



«РЖ: Тема недели» возвращается к проблематике № 17(31) ньюслеттера и предоставляет слово одному из участников конференции «Что думает Россия?», которая состоялась в Москве в июле 2009 года — генеральному директору Kissinger Associates Томасу Грэму, автору монографии «Russia's Decline & Uncertain Recovery» (2002 год).

ТАНДЕМ ВЫНУЖДАЕТ КРЕМЛЬ И ПРАВИТЕЛЬСТВО СОТРУДНИЧАТЬ НАРАВНЕ

Томас Грэм

Прошедшие полтора года можно назвать периодом поиска жизнеспособного равновесия между институтами президентства и правительства в соответствии с конституционными нормами. Периодом привыкания бюрократии к положению, что есть два центра политической власти, так называемый тандем.

Внутри российского правительства существуют разные политические и идеологические группировки. Есть разные точки зрения на роль государства в экономике, границы политического плюрализма и отношения с Западом. В армейской среде идут дискуссии по вопросу баланса стратегических и обычных вооруженных сил, по поводу того, какой тип обычных вооруженных сил лучше всего подходит для ответа на угрозы безопасности России, — дискуссии, частично выливающиеся в обсуждение того, рассматривать ли Соединенные Штаты в качестве главной угрозы.

Либералы ставят под сомнение экономическую политику, а большинство высших государственных чиновников заседают в советах директоров крупных компаний, которые, в свою очередь, также конкурируют за ресурсы. Более того, широко распространившаяся коррупция создает опасность существования скрытой повестки дня, противоречащей публично озвученным постулатам.

Стратегии, получающие всестороннюю поддержку, возникают вследствие дискуссии по возможным вариантам развития, хотя ясно,



что голоса некоторых людей звучат громче остальных (при этом **никто, включая Путина и Медведева, не может навязать свою волю, если она противоречит мнению значительной части элит**). Это становится очевидным на примере внешней политики. В отношении ее есть ясное понимание того, что Россия должна быть ведущей мировой державой, доминирующим игроком на пространстве бывшего СССР, и что Россия не должна вступать в союзы с какой-либо иностранной державой, но должна вести дела со всеми мировыми державами, чтобы по максимуму оставить себе пространство для маневра.

Тандем вынуждает кремлевскую администрацию и правительство сотрудничать на равных — гораздо больше, чем это было при президенте Путине. Очевидно, между президентскими советниками и правительственными министрами есть разногласия по определенным вопросам, но факты не подтверждают существования фундаментальных различий в стратегии кремлевской администрации, возглавляемой президентом, и правительства во главе с премьер-министром.

Как правило, президентская администрация, как более компактная структура, обладает большей гибкостью и применяет более инновационный подход к проведению политики, чем правительственные министерства, которые по своей природе консервативны. (Это, кстати, относится и к администрации Белого дома и различным федеральным агентствам). Даже когда между президентом и премьер-министром существует договор, нет гарантии, что правительство будет действовать быстро и эффективно, претворяя в жизнь их решения. Разработка стратегии в области информационных технологий, к примеру, застопорилась из-за бюрократических проволочек, даже несмотря на то, что и президент Медведев, и премьер-министр Путин подчеркнули необходимость срочно создать конкурентоспособную на мировой арене высокотехнологичную отрасль во имя будущего России.

Учитывая сложность вызовов, с которыми сейчас сталкивается Россия, видна определенная логика в разделении ответственности за внешнюю политику и политику безопасности (роль президента) от управления экономикой в ежедневном режиме (роль премьер-министра). Одновременно это гарантирует то, что именно президент ответственен за единство и взаимное усиление общих контуров внешней и внутренней политики. У каждого из лидеров есть контролируемый набор ключевых сфер ответственности. ■